

Философские и идеологические аспекты интерпретации прошлого

Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Специфическим способом познания истории, средством формирования исторического сознания является интерпретация. Интерпретация событий прошлого — это акт продолжения их существования в наличном общественном бытии. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов имевших место исторических событий.

Цель статьи — анализ философских, идеологических аспектов интерпретации прошлого.

Материал и методы. Материалом исследования являются основные подходы к интерпретации истории. Автором использованы общелогические (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) и общепринятые методы теоретического исследования (единство логического и исторического, восхождение от абстрактного к конкретному).

Результаты и их обсуждение. Интерпретация не может быть статичным одноразовым актом, она предполагает учет исторического контекста. Истина в историческом исследовании — это процесс. Характер этого процесса предъявляет высокие требования к ответственности исследователей истории за то, что они интерпретируют и как они это делают.

Внимание уделено роли идеологии в интерпретации исторического прошлого. Не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных интерпретациях. Само историческое сознание является частью идеологии и политики государства. История есть не только политика, обращенная в прошлое, она часть современной политики. Идеологическое манипулирование историческим сознанием порой становится мощным средством реализации политических интересов.

Заключение. Общество не может развиваться без идеологических ориентиров и приоритетов. Нужны духовные скрепы, ценности, разделяемые большинством населения, которые призваны объединить социум.

Ключевые слова: историческое сознание, интерпретация прошлого, методология, идеология.

(Ученые записки. — 2016. — Том 22. — С. 106–111)

Philosophic and Ideological Aspects of the Interpretation of the Past

Rudkovski E.I.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

A specific way of cognition of history, technique of shaping historic consciousness, is interpretation. Interpretation of past events is an act of continuation of their existence in the available social being. Actualization of senses of historical events depends on subjects of interpretation, on their outlook settings.

The purpose of the article is analysis of philosophic, ideological aspects of the interpretation of the past.

Material and methods. The material of the study is basic approaches to history interpretation. The author has applied general logical methods (analysis, synthesis, generalization, abstraction) as well as generally accepted methods of theoretical research (unity of the logical and the historical, accent from the abstract to the concrete).

Findings and their discussion. Interpretation cannot be static single act, it presupposes taking into account historical context. Truth in a historic research is a process. The character of this process requires a lot from the responsibility of history researchers for what they interpret and how they do it.

Attention is paid to the role of ideology in the interpretation of historic past. Not only ideology shapes the past in various interpretations. Historic consciousness itself is a part of ideology and policy of the state. History is not only politics, which is in the past; it is part of modern politics. Ideological manipulation with historic consciousness is often a powerful means of the implementation of political interests.

Conclusion. Society cannot develop without ideological landmarks and priorities. Spiritual basics are necessary, values which are shared by most of the population and are to unite the society.

Key words: historic consciousness, interpretation of the past, methodology, ideology.

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 22. — P. 106–111)

Интерпретация истории — это своеобразное конструирование будущего исходя из понимания прошлого. От взгляда в прошлое зависит и взгляд в будущее. Каким будет это будущее, во многом зависит от того, как мы распорядимся историческим наследием, сохраним ли великие памятники прошлого или само прошлое превратим в труху из-за многочисленных «новых взглядов». Интерпретации исторического прошлого всегда носят дискуссионный характер и неразрывно связаны с проводимой в стране политикой, поскольку та или иная картина истории является одним из важнейших средств формулирования и обозначения видения настоящего и будущего развития конкретного общества. В современной международной обстановке актуальность «сражений за историю» резко возрастает.

Цель статьи — анализ философских, идеологических аспектов интерпретации прошлого.

Материал и методы. Материалом исследования являются основные подходы к интерпретации истории. Автором использованы общелогические (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) и общепринятые методы теоретического исследования (единство логического и исторического, восхождение от абстрактного к конкретному).

Результаты и их обсуждение. Интерпретация прошлого — важнейшее средство формирования исторического сознания. В философской и исторической литературе существуют различные подходы к определению исторического сознания, объема и содержания данного понятия, его соотношения с исторической памятью. Историческое сознание — система знаний, взглядов, традиций, обрядов, обычаев, идей, концепций, посредством которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций формируется представление о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, о соотношении своей истории с историей других общностей людей и всего человеческого общества [1]. Историческое сознание включает знания и оценки прошлого во всем его многообразии, присущие и характерные для общества в целом, так и для различных общностей, социальных групп, а также отдельных индивидов.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике, значительное место в которой занимает как раз метод понимания прошлого.

При этом во взглядах представителей этого философского направления прослеживается значительная эволюция. Первое поколение герменевтики (Шлейермахер, Дильтей) в качестве главной проблемы выделяло вопрос понимания исторических текстов и постижения через них истории, подлинного смысла имевших место событий. Интерпретация прошлого, отраженного в текстах, должна основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить, понять первоначальный смысл текста. Основная проблема понимания заключается во временной дистанции, разделяющей интерпретатора и объект понимания. Чтобы ее решить, необходимы вживание исследователя в исторический контекст, идентификация его с текстом.

Гадамер идет дальше. Смысл текста, в котором описаны определенные исторические события, нельзя оторвать от того «смыслового горизонта», в который помещен текст. Интерпретатор рассматривает текст с позиций своего «смыслового горизонта», включая его предрассудки, ценностные ориентации. Понимание текста зависит от того, насколько оба горизонта смогли приблизиться друг к другу. Только тогда возможно понимание истории. При этом Гадамер подчеркивает не только историчность предмета интерпретации, но и историчность самого субъекта интерпретации, значимость его позиции, которая уже задана определенными установками. При этом следует учитывать, что Гадамер рассматривает герменевтику не просто в качестве способности воссоздания аутентичного авторского текста, а в качестве возможности продолжения истории текста, построения его смысла каждым новым интерпретатором. Правда, такой подход таит в себе опасность субъективизма, произвольного «творения» исторического процесса, с чем мы сталкиваемся в практике изобретения прошлого отдельными политически ангажированными историками.

Герменевтический метод играет большую роль в познании, интерпретации прошлого. Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений — важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, — это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк — и в который, к сожалению,

очень часто впадает — состоит в том, что изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. “Другой” не означает “чужой”. Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция “инаковости” — постулат исторического познания» [2, с. 77].

Вместе с тем вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться с мыслью известного историка о том, что «лишь сравнительно недавно историческая наука начала освобождаться от бремени философии истории. Глобальные системы... Гегеля, К. Маркса, О. Шпенглера образовали прокрустово ложе, куда историкам предлагалось укладывать свой материал». Сегодня, по мысли автора, историческая наука перестает быть пленницей метафизических конструкций. Историки провозглашают «Декларацию независимости» своего ремесла». В противоположность философии, социологии и политической экономии история — наука не об общих законах, а о конкретном индивидуальном, уникальном и неповторимом [2, с. 78–79].

Но так ли это? Вольно или невольно автор встает на определенные философские, а именно неокантианские позиции. Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, то невозможно обойти причины произошедшего, тенденции развития общества. А это уже философия истории, социальная философия. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оценивать события в октябре 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи нельзя не согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие индивидуальные факты, «которые рассматриваются в качестве атомарных, в рамках конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк... лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим совре-

менные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания» [3, с. 33]. Плюрализм взглядов и оценок историков, по мысли автора, обусловлен предпочтениями, которые оказывают той или иной теоретической конструкции, неформализованной концепции, а также интерпретационно-ценностными исследовательскими установками [3, с. 35]. Отметим, что в современной философии истории наиболее распространены являются цивилизационный и формационный подходы к интерпретации истории.

Интерпретация — это важнейший способ познания прошлого. При этом следует учесть, что она не может быть статичным одноразовым актом. Истина в историческом исследовании — это процесс [4, с. 180]. Она не появляется в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого. Исследователь данной проблемы А.С. Табачков обоснованно подчеркивает, что верификация или фальсификация результатов интерпретации «происходит в интересующей нас области в их интеракциях с культурным контекстом и носит историчный и, несомненно, процессуальный характер. Важно также, что само это становление полученного посредством акта интерпретации дискурса, обретение им статуса значимого элемента динамики социально-гуманитарного знания никогда не является окончательным. Длительный и обратимый характер этого процесса... предъясняет более высокие, чем в любой другой области познания, требования к компетентности и ответственности членов научного сообщества» [5, с. 67]. Автор справедливо говорит об ответственности ученых. На наш взгляд, уместно вести речь об исторической ответственности, которую можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В широком смысле — это ответственность перед историей, ответственность за судьбы общества, миллионов людей. В данном случае мы имеем в виду не просто сохранение исторической памяти, знаний о прошлом, но и будущее страны, определяемое теми или иными действиями акторов общественных отношений. Другими словами, история — это не только «вчера», но и «сегодня», и «завтра». В широком смысле термин «историческая ответственность» применим к ученым разных

научных направлений, политикам, деятелям культуры и т.д. К примеру, ученый с высоким уровнем сознания социальной ответственности не может не стремиться к тому, чтобы предвидеть возможные негативные последствия научного поиска. Свобода творчества несовместима со свободной безответственностью. Б. Юдин обоснованно отмечает, что ученые «могут не знать, каковы будут практические последствия того или иного открытия, они слишком хорошо знают, что “знание — сила”, и притом не всегда добрая, а потому должны стремиться к тому, чтобы предвидеть, что принесет человечеству и обществу то или иное открытие» [6]. Применительно к сфере политики можно сказать, что часто незнание — сила. На это порой и делается ставка современными политтехнологами. В узком смысле историческая ответственность — это ответственность за адекватную интерпретацию исторических событий, неприятие преднамеренного искажения наследия прошлого.

Интерпретация исторического прошлого зависит, как уже отмечалось, от философии истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно связана с мировоззрением, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории.

Идеологическое манипулирование историческим сознанием является мощным средством реализации политических интересов управления сознанием людей. Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [7, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, бытийствовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Н. Нарочницкая отмечает: «Опасно интерпретировать старые события с точки зрения наших сегодняшних политических воззрений и желаний. Если мы с философским скепсисом и мудростью смо-

жем взирать на историю, полную несовершенств и натяжек, то сумеем выделить главное» [8].

Политическое решение — это часто выбор между гибельным и малоприятным. А когда выбирают малоприятное, возникают негативные оценки, раздаются возмущенные голоса. При этом не учитывается, что другое решение в той конкретной исторической ситуации могло быть просто гибельным для страны. Когда, к примеру, сегодня на Западе (и не только) говорят об агрессивной внешней политике СССР, то забывают об историческом контексте, «холодной войне», провокационной политике другой сверхдержавы. Крупнейшие европейские страны, создавая колониальные империи, не стеснялись в свое время перекраивать карту мира по своему усмотрению. Но об этом на Западе сейчас вспоминать не хотят.

Политические интересы доминирующих социальных групп всегда будут оказывать влияние на образ прошлого. Нельзя рассчитывать на то, что оценка, к примеру, причин хода и итогов Второй мировой войны по мновению волшебной палочки станет одинаковой как на Западе, так и на Востоке. Вместе с тем недопустимы подлог, искажение или замалчивание исторических фактов. Здесь можно и нужно говорить об исторической ответственности ученых, всех тех, кто так или иначе причастен к формированию исторического сознания. Порой говорят, что историки более могущественны, чем Сам Господь Бог, ибо Господь не может изменить прошлое, а историки постоянно его меняют. В истории, как известно, есть все; что вам надо, то вы и достанете. Вот почему есть мера ответственности каждого историка за то, что он интерпретирует и как он это делает. Формирование исторической памяти — это часть технологий, которые могут разрушить целые государства. Длительная историческая ложь делает людей равнодушными к собственной истории и собственному народу и тем самым подтачивает устои общества и государства. История — это политическое оружие, а также средство воспитания масс. Кто затевает войну с прошлым, рискует потерять будущее. В данном контексте нельзя не вспомнить слова Дж. Оруэлла: «Кто управляет прошлым, ... тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [9, с. 35]. Следует отметить, что не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных его интерпретациях. Само историческое сознание является составной частью идеологии государства. Здесь существует прямая и обратная связь. Мало сказать, что исто-

рия есть политика, опрокинутая в прошлое. История (прошрое) — это часть современной политики, она опрокинута в современную политику.

Распространено мнение, что идеология — это неотъемлемый атрибут тоталитарного общества. Следует, конечно, признать, что господствовавшие идеологические «одежды» были изрядно «потрепаны» в период СССР от частого (к месту и не к месту) употребления. Вместе с тем опыт постсоветского развития целого ряда стран показал, что любое общество (как и человек) должно иметь идейные ориентиры. Идеология — это не изобретение коммунистов, а атрибут любого государства. Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. Политические стратегии Запада давно пришли к выводу, что только с помощью военных средств многие проблемы нельзя решить. Есть и другие инструменты, более эффективные, — разрушение кодов национального бытия. То есть речь идет о разрушении базовых национальных ценностей, традиций и обычаев, исторической памяти народа. По масштабам и агрессивности идеологическая работа западных стран нисколько не уступает практике бывшего СССР времен «холодной войны».

Запад стал прививать, навязывать неприемлемые для большинства человечества ценности — мультикультурализм, однополые браки и т.д. Наблюдается отход от христианских ценностей. На их место пришли законы, права человека, прагматизм. Но если данные ценности (их значимость несомненна) оторвать от служения чему-то высшему, то это грозит деградацией общества. Это безбожный, безнравственный демократизм и либерализм. «Политические свободы, — отмечает Г.С. Киселев, — расцветшие при повсеместно наблюдающемся “повреждении нравов”, свободы, которыми воспользовались “освобожденные” от христианской морали люди, во многом оказались свободой от ответственности — неременного атрибута граждански зрелой личности» [10, с. 53].

После распада СССР образовался своеобразный идеологический вакуум. Пришедшая на смену советской интеллигенции новая «культурная» элита пока не смогла предложить те ценности, которые могли бы стать фундаментом подлинно человеческих отношений. Пока, кроме погони за избыточным потреблением, апологии успеха «здесь и сейчас», другого идеологического продук-

та стране-соседке не предложено. У страны нет базовых идеологических понятий, целей, есть лишь тактические ситуации. Россия заражена гипертрофированной, исковерканной до абсурда формой либерализма. Ее главный девиз — живи для себя и ради себя. Страна превращается в своеобразный торгово-развлекательный центр. Правда, следует отметить, что в последнее время Президент Российской Федерации В. Путин и его помощники делают необходимые шаги к преодолению сложившегося положения. При этом особый акцент сделан на формировании патриотизма, гражданственности. Должна быть идеология, разделяемая большинством населения, которая призвана объединять и скреплять гигантский общественный механизм.

Идеологические и социокультурные факторы играют важную роль в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Безусловно, решающая, первичная роль в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Экономика — это базис общества, который определяет все надстроечные явления и процессы. Однако нельзя стоять на позициях технологического детерминизма. В обществе все взаимосвязано, существуют прямые и обратные связи. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России предполагает определение идеологических ориентиров и приоритетов. Вне их нельзя определить стратегию социально-экономических и политических преобразований внутри страны, цели и механизмы сотрудничества на международной арене. Идеология делает более целостным общественное сознание, влияет на морально-психологическую атмосферу в обществе.

Необходимо восстановить единое гуманитарное пространство. Недопустимо, чтобы традиционные духовные и нравственные ценности, славные традиции исторического прошлого были преданы забвению. Без единого прочтения истории не может быть единства народов. Вопросы идеологического обеспечения интеграции на постсоветском пространстве весьма актуальны и требуют обоснованного ответа.

Заключение. Интерпретация событий прошлого — это акт продолжения их существования, движения в наличном общественном бытии. В таком качестве они накладывают отпечаток на процессы современности. Важно помнить и понимать: то, что происходит сейчас — не просто новое, это, в известной мере, продолжение прошлого. Одновременно следует ничего не забывать,

не стирать, не выбрасывать, не замалчивать, а бережно хранить историческую память, уметь заглянуть в прошлое, чтобы увидеть очертания будущего. Именно в этом проявляется историческая ответственность ученых-историков и всех тех, кто формирует реальную политику.

Литература

1. Историческое сознание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruslanka.ru/hist/is.php>. — Дата доступа: 02.11.2015.
2. Гуревич, А.Я. Двоякая ответственность историка / А.Я. Гуревич // Общественные науки и современность. — 2007. — № 3. — С. 74–84.
3. Хвостова, К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К.В. Хвостова // Вопросы философии. — 2012. — № 7. — С. 27–37.
4. Кузьмина, М.В. Истина и объективность в историческом знании (обзор докладов научного заседания) / М.В. Кузьмина // Вопросы философии. — 2012. — № 6. — С. 180–184.
5. Табачков, А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А.С. Табачков. — Минск: РИВШ, 2007. — 94 с.
6. Юдин, Б.Г. Этика науки и ответственность ученого / Б.Г. Юдин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/kuptsov/0/j32.html. — Дата доступа: 28.07.2016.
7. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. — М.: Круть, 2011. — 560 с.
8. Нарочницкая, Н. Об особой ответственности историков / Н. Нарочницкая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.klaipeda1945.org/istoriya/ob-osoboj-otvetstvennosti-istorikov/>. — Дата доступа: 28.07.2016.
9. Оруэлл, Дж. 1984. Скотный двор / Дж. Оруэлл. — М.: АСТ, 2014. — 361 с.
10. Киселев, Г.С. История и ее подобие / Г.С. Киселев // Вопросы философии. — 2012. — № 3. — С. 48–58.

Поступила в редакцию 07.09.2016 г.